

ФИЛОСОФИЯ

К.Н. Любутин*

О ПРЕДМЕРЕ ФИЛОСОФИИ: ОТ ОНТОЛОГИИ К АНТРОПОЛОГИИ¹

Английский мыслитель Эрнест Геллнер не без иронии по адресу философов заметил: “Церковник, который утратил веру, отказывается от своей профессии; философ, который теряет свои убеждения, изменяет определение своего предмета” [1]. Видимо, это явление имеет всеобщий характер. Оно было присуще и советской философии, которая ныне по преимуществу подается только в черном свете. Приведем подходящий пример из не столь давнего нашего прошлого.

В начале 70-х гг. профессор Митрофан Николаевич Алексеев выпустил спецкурс лекций “Предмет и структура марксистской философии” [2]. Этот спецкурс объемом почти 400 страниц содержал, кроме прочего, характеристику 16 методологических догм (ошибочных положений), сложившихся, по его мнению, в отечественной литературе. “Совмещение их с истинными положениями породило”, как подсчитал автор, 34 (тридцать четыре) точки зрения на предмет философии вообще. Надо заметить, что книга покойного М.Н. Алексеева по сию пору в историографическом плане остается уникальным произведением. Помнится также, что А.В. Потемкин в книге “О специфике философского знания”, которая вышла в свет в том же 1973 г. в Ростове, насчитал более десятка позиций по части понимания предмета философии. Кстати, такого рода разнобой, по-нынешнему плюрализм, касался понимания и предмета “марксистско-ленинской философии”. Слов нет, политико-идеологический пресс был силен. Но всякий режим давал и отдушину. Государственно-феодальный социализм

* Любутин Константин Николаевич – главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук, профессор.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства образования РФ Г02-1.1-247.

не мог запретить, наоборот, он поощрял интерпретации (прежде всего, классиков). Да ведь и теперь привыкшая к этому философия живёт теми же интерпретациями; классики, правда, другие: так сказать, антиклассики, поменяли плюс на минус. Но заметного теоретического прорыва постсовременность, по моему, не подарила...

Сциентистские крайности

Со времен Роджера Бэкона европейское сознание развивается под знаком “Знание – сила”. Правда, далеко не все выдающиеся просветители фиксировали неуничтожимость “незнания” и догадывались о том, что незнание может стать ещё большей силой. Марксистская традиция, хотя это не вытекало из ее основания, тоже не избежала абсолютизации науки и в советское время была окрашена явно в светски-религиозное отношение к науке. Думается, что и Маркс до конца не освободился от просвещенческого социологического рационализма.

Что же касается философии, так то определение “единственно научной” философии, которое варьировалось в советской философии с начала 30-х гг., восходит к произведению, первым получившему официальный гриф “Учебник для комвузов и вузов” [3]. Вот что по этому поводу сказано в одном из наиболее популярных изданий эпохи “развитого социализма”: “Как же следует определить предмет диалектического материализма? ... Мы можем сказать, что диалектический материализм есть наука о соотношении бытия и мышления и о наиболее общих законах развития бытия и мышления. В более сжатой форме можно сказать, что это наука о соотношении и наиболее общих законах бытия и мышления. Бытие здесь понимается как материальное бытие, как природа и общество. Если учесть, что отношение мышления, как вторичного, к бытию, как первичному, тоже выступает как закон, характеризующий взаимосвязь этих основных сторон реальности, а законы диалектики являются законами развития бытия и мышления, рассматриваемых в их взаимосвязи, можно сказать ещё более кратко: наука о наиболее общих законах бытия и мышления” [4].

Но какое же отношение такое понимание философии имеет к Марксу, с чьим именем прочно была связана та версия философии, которая долгое время выступала в качестве государственной философии СССР? Достаточно отдаленное. Получилось так, что важнейшие философские произведения Маркса были опубликованы весьма поздно, когда уже сложился не только ленинизм, но приобрела в СССР господство его сталинская версия. Так сложилось, что философию, называемую марксистской, в России (и не только) постигали сквозь призму “Анти-Дюринга” и “Людвига Фейербаха”.

Названные работы, особенно “Анти-Дюринг”, достаточно специфичны в силу своей полемичности. Я напомним в принципе общеизвестные высказывания Энгельса. О том, например, что современный материализм – “это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках” [5]. Сказано более чем ясно. Еще не менее четкий тезис: “Как только перед каждой отдельной наукой становится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней” [6].

Между тем неоднократно говорится о том, что из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Именно самостоятельное существование, поскольку “все остальное входит в положительную науку о природе и истории” [7]. Видимо, согласно Энгельсу, диалектика в рамках марксизма не только получает материалистическое истолкование, она должна стать наукой: “Но диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления” [8]. Все эти, столь исключаящие друг друга мысли, высказаны Энгельсом в одной и той же книге. Они и породили различные трактовки предмета философии в советской литературе, от сугубо онтологической до гносеологической. Подобная противоречивость воззрений одного из классиков не позволила заставить философов ходить по одной идеологической струнке.

Что же касается сути дела, то фактически возрождается стоящая над “положительными науками” наука наук – диалектика. Она и выступает как философия, тождественная особой науке, специфика которой – в ее качественной и количественной всеобщности. В набросках плана работы, который советские издатели назвали “Диалектика природы” и который составлен в период между 1878 и 1880 гг., находим: “Диалектика как наука о всеобщей связи. Главные законы: превращение количества и качества – взаимное проникновение полярных противоположностей и превращение их друг в друга, когда они доведены до крайности, – развитие путем противоречия, или отрицание отрицания, – спиральная форма развития” [9].

Эту сциентистскую позицию Энгельса трудно понять и тем более принять. Во-первых, можно ли вести речь о “всеобщих законах” бесконечного мира? По-моему, мы впадаем при этом в неразрешимое противоречие, если не попытаемся выйти за пределы материального мира и принять в качестве точки отсчета Абсолютную идею, Бога – одним словом, творца материального мира, который, по меньшей мере, в качественном плане должен признаваться конечным образованием. Во-вторых, как можно, оставаясь приверженцем идеи качественной и количественной бесконечности мира в пространстве и времени, допускать конечное число “всеобщих законов”, говорить о трех “главных законах”?

В общем, сциентистская трактовка Энгельсом философии как науки о всеобщих законах, по сути без выделения их гносеологической специфики, вела философию в тупик, породила множество противоречий, обилие точек зрения, якобы свидетельствующих о творческом развитии этой философии. На деле же, в конечном счете (естественно, не всегда) все замыкалось схоластическими дискуссиями, связанными со сталкиванием друг с другом далеко “не причисленных” мыслей Энгельса.

Классик не оставил учебников и тем самым поставил учеников в щекотливое положение. На Западе господствует мнение, которое четко изложил Франц Меринг в статье “Исторический материализм”: “Маркс и Энгельс всегда оставались на философской точке зрения Фейербаха, поскольку они ее расширили и углубили,

распространив марксизм на область истории; коротко и ясно говоря, в области естествознания они были механическими материалистами так же, как в области истории материалистами историческими” [10]. В России в 90-е гг. XX столетия и Плеханов, и Ленин полагали, что марксизм вообще устранил философию – и старую, и новую. В “Очерках по истории материализма” (1896) Плеханов писал: “Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию, должна была освободить социальную науку из лабиринта противоречий. По выполнении этой задачи философия могла бы сказать: *“Я исполнила свой долг, я могу уйти, так как в будущем точная наука должна сделать бесполезными гипотезы философии”*” [11]. Ленин держался более жесткой позиции. В работе “Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве” (1895) читаем: “С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между отдельными отраслями положительной науки” [12]. Правда, напомнить об этом выводе Ленина в советский период никто не решался, а сам автор, не прошло и десяти лет (когда стало нужным теоретически расправиться с Богдановым), как признал и философию вообще, и марксистскую философию в частности, которую вслед за Энгельсом именовал наукой об “общих законах”. О своей позиции 90-х гг. Ленин не вспоминал.

В рамках гипотетического материала, который вошел уже в качестве доказанной теории в науку, по мнению Плеханова и Ленина, было учение о развитии – диалектика. Оба они видят в диалектике метод. Ленин поясняет: “Диалектическим методом - в противоположность метафизическому – Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм” [13].

В скором времени, по причинам политическим прежде всего, Ленин существенно корректирует свою точку зрения. В работах “Марксизм и ревизионизм”, “Материализм и эмпириокритицизм”, “Три источника и три составные части марксизма”, “Карл Маркс” он заговорил о философии марксизма: “Философия марксизма есть материализм” [14]. Это именно философия. Но есть еще диалектика. Это

наука. В написанном для “Энциклопедического словаря Гранат” биографическом очерке “Карл Маркс” (1919) Ленин именует диалектику “наукой об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления” [15]. Причем сказано, что это “по Марксу”. Между тем у Маркса – ни у раннего, ни у зрелого, ни у позднего – нет такого определения. Оно взято из “Людвига Фейербаха” Энгельса.

Ленин, конечно, понимал всю сложность и противоречивость ситуации. И когда он в какой-то мере освобождался от политической зашоренности, размышлял “в свободном полете”, он высказывал интересные мысли относительно “ядра” диалектики, вел речь не о науке, а об “учении”, которое представляет собой гносеологию (не психологию) и логику. Вел речь не о законах, а об “элементах” диалектики [16]. Кстати, как бы ни относиться к Сталину, но его характеристику диалектики не через законы, а через “черты” теоретически игнорировать глупо.

Все сказанное позволяет мне сделать некое обобщение: философия государственно-феодального социализма была философией, весьма слабо связанной с позицией Маркса. Маркс, в сущности, был не востребован. Во всяком случае, власть имущими, руководством КПСС. Западный же марксизм имел немного достижений – в плане реконструирования философии Маркса. Я отмечу лишь некоторые блестящие работы Эриха Фромма.

Кстати, часто пишут о псевдофилософии, имея в виду философию государственно-феодального социализма, или нашего тоталитарного прошлого. Псевдофилософия как служанка политики. Правда, никто еще не сообразил обозвать псевдофилософией западноевропейскую феодальную мысль – служанку религии и теологии. Я думаю, что к социально значимой философии термин “псевдофилософия” неприменим ни с какого боку. В любой философии схвачена определенная, породившая ее, эпоха. Как она схвачена – иное дело.

Вперед к Марксу!

В Советском Союзе был один (как минимум) человек, который попытался воссоздать и развить Марксову концепцию философии. Это Николай Иванович Бухарин. Я имею в виду Бухарина

как автора доклада “К. Маркс и его историческое значение”, сделанного 17 марта 1933 г. на Общем собрании Академии наук, посвященном 50-летию со дня смерти Маркса. Расширенный текст доклада с уточненным названием был опубликован в книге “Памяти К. Маркса” (1933). Мысли Бухарина и поныне свежи, актуальны как в плане решения проблемы самой по себе, так и в плане борьбы с фальсификаторами философии Маркса, прежде всего отечественными, из числа недавних “верных марксистов-ленинцев” вроде А. Яковлева.

Конечно, работа Бухарина несет на себе печать складывающегося сталинского тоталитаризма. Но я сейчас хочу сказать не об этом. Опираясь на опубликованные в начале 30-х гг. “Рукописи 1944 г.” (они шли тогда под шапкой “Подготовительные работы для “Святого семейства””) и “Немецкую идеологию”, Бухарин показал, что Маркс как философ есть именно Маркс, а не некое существо по кличке “Маркс-Энгельс”, у которого хотя и два туловища, но голова точно одна. Бухарин пишет: “Чтобы показать всю оригинальность философского творчества Маркса, целесообразно начать анализ с вопроса об отношении субъекта и объекта, где сразу обнаруживается, что Маркс открыл совершенно новую эпоху в историческом развитии философии” [17].

Да, появление собственно Марксовой философии связано с открытием того фундаментального факта, что общественная жизнь является по существу практической, т.е. связана с анализом практической деятельности людей.

Философия Маркса – социальный материализм, или философия практики. Предметно-практическая деятельность, по Марксу, – способ существования человека и человечества. Практика в качестве материальной целеполагающей деятельности синтезирует натуру и культуру, формирует человека как природно-общественное существо. Философская антропология Маркса – это онтология принципиально незавершенного мира, это социология принципиально незавершенного познания, это философия, которая из анализа практического взаимодействия субъекта и объекта выводит принципы материальности (преодоление созерцательности) и развития (преодоление метафизичности). Существование человека в

качестве природно-сверхприродного образования в конечном счете определяется сущностно суммой тех связей и отношений, в которых индивиды находятся друг к другу и к природе. Общество производит человека как человека, человек производит общество как общество. Общество есть сущностное единство и человека с природой. Только в обществе природа выступает в качестве основы собственно человеческого бытия. Отсюда и понятно известное положение Маркса: “Ни природа в объективном, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана *человеческому* существу адекватным образом” [18].

Все теоретические духовно-практические проблемы Маркс решает “через человека” и характеристику будущего общества как заверченного натурализма, равного гуманизму, заверченного гуманизма, равного натурализму (коммунизм – действительное разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, его существованием и сущностью, опредмечиванием и самоутверждением, свободой и необходимостью, индивидом и родом). Философская антропология Маркса органически гуманистична. Величайшее богатство для человека – другой человек, а не материальные или духовные образования сами по себе, смысл жизни человека — в безграничном саморазвитии безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу [19]. Такого рода философская ориентация характерна для всего творчества Маркса, “раннего”, “зрелого” и “позднего”.

Исходная точка философского анализа Маркса — “действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью” [20]. Предметное поле философского размышления, по Марксу, — “человек и мир”. Оно имеет, следовательно, два полюса, оно в сущности своей полярно, биполярно, в ответах альтернативно. Иное дело, что не все основные аспекты были более или менее теоретически проработаны Марксом, и, как всякая живая концепция, учение Маркса вовсе не вылиито из одного куска стали, а содержит противоречия и незавершенности.

Маркс издевался над теоретиками, исключавшими из истории отношение людей к природе, т.е. производство и воспроизводство самой материальной жизни. До тех пор, пока существуют люди, считал он, история природы, а именно то развитие, которое ей придает человек своей деятельностью, и история людей взаимно обуславливают друг друга. В этом смысле человек всегда имеет перед собой историческую природу и природную историю. Единство человека с природой и единство человека с человеком имеют социальное происхождение, хотя на начальных ступенях культуры природа выступает, прежде всего, как естественный поставщик средств жизнедеятельности. Труд является источником богатства только в единстве с природой – “первоисточником всех средств и предметов труда”. Веществу природы человек сам противопоставляет как силу природы. Труд – создатель потребительных ценностей – есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей. Марксова онтология – это онтология человеческой практики. Это одновременно и гносеология как социология знания, как диалектика (что было совершенно точно схвачено Лениным). Материальное начало, с которым непосредственно имеет дело философия, – практическая деятельность людей, то, что через нее вовлечено в человеческую жизнь. Родовая жизнь человека – переработка предметного мира. Благодаря производству природа оказывается его (человека) производением, “человек удваивает себя не только интеллектуально, но и реально, деятельно и созерцает себя самого в созданном им мире” [21]. Правда, длительное время, как обнаружил теоретически Маркс, практическая деятельность людей выступает в отчужденной форме, даже готовит человеку апокалиптическую участь. Маркс же был убежден, что рано или поздно человечество преодолеет отчуждение на той ступени развития, когда человеческая сущность станет “природной”, природная – “человеческой”.

Таким образом, анализ духовной, в том числе религиозной и философской, истории человечества и практической его истории привел Маркса к выводу, согласно которому предметное и проблемное, исторически развивающееся поле философии – “человек и мир”. Его философия, как было подмечено Бухариным, оформля-

ется в категориях “практика” и “познание”, “объект и субъект”, “объективное” и “субъективное”, “материальное” и “духовное” – одним словом, в категориях, раскрывающих принцип материальности и принцип развития. Философия Маркса, по праву носящая эпитет научной, – это субъектно-объектное размышление, теоретически в своей основе и по существу своему выступающее в качестве основы мировоззрения. И когда Энгельс фиксировал в качестве основного вопроса философии вопрос об отношении сознания к материи, он выделял предельное основание субъектно-объектного взаимодействия, отношения человека к миру.

Самосознающая себя научная философия отталкивается от практически действующего человека. Субъект в целом предстает в качестве иерархически сложного образования: человек, группа, общество, человечество. Объект – природное (фрагмент материи, на который направлена материальная и духовная деятельность людей) и социальное образование (материальное и духовное). Взаимодействие субъекта и объекта – практическое, познавательное, ценностное. Практика, которая согласно известному афоризму обладает по отношению к познанию достоинством и всеобщности, и непосредственной действительности, позволяет из исходного понятия объекта как фрагмента материальной действительности вывести категорию материи; из целеполагания (практика как целереализация неотделима от духовной деятельности – целеполагания) – полярную ей категорию сознания.

Иерархичность субъекта и объекта, многоаспектность их взаимодействия, сама двухполюсная система человек и мир (субъект и объект) создают гносеологическую возможность альтернативных ответов на философские вопросы: чувственно-качественные характеристики либо присущи предметам, либо есть порождение субъекта, то же с красотой и прогрессом, материальным и духовным... Да и философские системы в целом бывают онтологические, гносеологические, аксиологические... Маркс, как справедливо писал тот же Бухарин, дал синтез философского знания (основы современного синтеза), который можно только развивать, но не игнорировать.

Подобная оговорка, неуместная в отечественной литературе недавнего прошлого, ныне весьма своевременна: “новые русские”

(особенно из “старых”, “верных ленинцев”) от философии с хлестаковской легкостью отбрасывают все, что связано с полуторавековой историей марксистской философии. Пример тому – одиозные многословные извержения академика А. Яковлева, бывшего “второго” человека в КПСС. Эта кающаяся Магдалина мужского пола речет: “В научном смысле материя может означать только особую ступень бытия среди других ступеней. Допустим, бытие биологическое, химико-физическое и так далее. Но, скажем, психология или математика уже не есть материя, они не изучаются науками о материи” [22]. Да, высокочтимый Александр Николаевич, психология и математика не изучаются науками о материи. До такого вывода долго дорастать. Или еще: “Если мы возьмем марксистское толкование перехода количества в качество, то оно антинаучно” [23]. Если возьмем, то конечно. В общем, проезжая мимо сией станции и глядя в окна на природу, у меня слетела шляпа... Академику не вредно бы повторить кое-что из начальных школьных курсов, да и почитать Гоголя с Чеховым. Во всяком случае, автор письма к ученому соседу вряд ли бы додумался объявить Маркса учеником Огюста Конта [24].

Проблемное поле философии, весьма подвижное и меняющееся исторически, имеет “вечное” ядро, ибо предмет философии, при всем плюрализме, альтернативности течений, его изменении, един. Другое дело – уровень рефлексии по этому поводу. Ныне часто вспоминают известные кантовские вопросы и, говоря о современной философии, предполагают ответить на них в русле “что” осваивает она, “как” и “зачем”. На этот счет сказано немало интересного. По итогам соответствующего проблемно-поискового семинара в Институте философии АН СССР (1987) была опубликована весьма интересная книга “Философское сознание: драматизм обновления” (М., 1991). Известный теоретический прорыв сделан коллективом московских философов, подготовивших “Введение в философию” (М., 1989).

Такого рода публикации свидетельствуют, что Марксова традиция на современной почве дает хорошие плоды. Дело не только в преодолении догматической политизации и идеологизации философии. Дело в том, что философское знание раскрывается в сво-

бодном от сциентистских и аксиологических, онтологических и гносеологических, иных крайностей виде. Кантовские вопросы, наследованные философией практики, раскрываются в мировоззренческом, методологическом и аксиологическом планах. Философия предстает как синтез научного, нравственного и эстетического освоения человеческого отношения к миру. Синтез познания и переживания, поведенческое воплощение мировоззренческих установок делают творческое философствование (в отличие от научного познания) индивидуально-неповторимым актом, сближая тем самым философию с искусством.

Философия синтетична. Всякая редукция ее обедняет. Маркс выделил практический, теоретический и практически-духовный способы освоения мира. Практически-духовный (художественный, религиозный, политический, нравственный) это есть ценностный способ освоения. Его непосредственная основа – опыт человеческого бытия, мера освоения мира человеком и мера человечности этого освоения [25]. Философия осваивает сущее сквозь призму должного. Марксова философия завершила коперниканский переворот, начатый Кантом. Фактуальное и оценочное знание предстают в единстве на основе веры как убежденности и надежды. Обычное философское сознание (“форма сознания”) существует в одном мировоззренческом поле с религиозным сознанием, философская теория как смыслообразующая антропология замыкается на рациональной вере. Мало кто в прошлом цитировал принципиально важное место из “Капитала”: “Философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере” [26]. Смыслообразующая антропология венчает философию и религию и дает “гносеологическое” основание для перекоса в трактовке духовности – отождествления ее с религиозной духовностью, нередкого в современной отечественной светской литературе. Между тем духовность в сущности – настроенность человека на поиск истины, добра, красоты, переживание такого поиска и движения к этим высшим ценностям, которые приобретают значение идеала.

Синтез научно-рационального, нравственно-волевого, художественно-эмоционального аспектов на почве субъектно-объектного раздвоения порождает философию - теоретическую в основе систему, которую М. Бахтин определил как “метаязык” всех видов познания и сознания. Фиксирующие субъектно-объектное расщепление парные понятия оказываются не только качественно-количественными абстракциями, но и формами мысли. Философия – это диалог между субъектом и объектом и субъекта с субъектом, вопрошание мира и человека, спор, порождение и разрешение противоречий. Диалектика Маркса – не глобальное онтологическое Учение о всеобщих законах как таковых, которые можно зафиксировать вне субъектно-объектного взаимодействия, сектора, “вырубленного” в мире человечеством. Разве можно вне этой “прорези” отнести любой процесс к причине или к следствию, к необходимости или к случайности, к сущности или к явлению? ... Практический характер онтологии Маркса, его “практический материализм” определяют антропологическую окраску понимания Марксом диалектики. Это не только учение о противоречиях рационального познания и стоящих за ними реальных отношений. Это учение о противоречиях чувственной эмпирии, о противоречивой игре эмоций и столкновении воль субъектов разного уровня, о противоречиях интересов и мотивов, отражающих реальные коллизии. Одним словом, это не только Гегель, но и Фейербах, Шопенгауэр, Кьеркегор... Категории философии поэтому – не только формы мысли, но и ценностные ориентиры. Короче говоря, на них лежит неискоренимая печать практического происхождения и поведенческого знания. “Мы видим, – писал Маркс, – что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным *только практическим* путем, только посредством практической энергии людей, и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что видела в ней *только* теоретическую задачу” [27].

Из специфики философского знания с необходимостью вытекает то, что в качестве основы мировоззрения оно завершается выработкой, сотворением смысла жизни. Не поиском смысла, ибо

смысл – не грибы, а именно сотворением. Вне человеческой истории, которая есть субъектно-объектное и субъектно-субъектное взаимодействие, нет истины и заблуждения, добра и зла, прекрасного и безобразного. Сотворять смысл жизни – значит формировать индивида как человека, как личность, как субъекта, соавтора человеческой истории.

Философия влияет на жизнь людей гораздо сильнее, чем кажется. Иное дело, *какая философия*, порожденная *какими* социальными силами, *как* связанная с властью имущими и господствующей бюрократией. Думаю, что нашему времени весьма созвучны мысли, высказанные мудрым лордом Расселом полвека назад: “Учить тому, как жить, без уверенности и в то же время не быть парализованным нерешительностью – это, пожалуй, главное, что может сделать философия в наш век для тех, кто занимается ею” [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гелнер Э. Слова и вещи. М., 1962. С. 333.
2. Алексеев М.Н. Предмет и структура марксистской философии. М., 1973. С. 344.
3. Диалектический и исторический материализм: В 2 ч.: Учебник для комвузов и вузов / Под рук. М. Митина. М., 1934.
4. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М., 1973. С. 37.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С. 142.
6. Там же. С. 25.
7. Там же.
8. Там же. С. 145.
9. Там же. С. 343.
10. Die Neue Zeit . 1910. № 29. P. 548-549.
11. Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т.2. 1956. С. 148.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.1. С. 438.
13. Там же. С. 165.
14. Там же. Т.23. С. 43.
15. Там же. Т.26. С. 54.
16. Там же. Т.29. С. 202-203.

17. *Бухарин Н.И.* Учение Маркса и его историческое значение // Памяти Маркса. М.; Л., 1933. С. 20.

18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.42. С. 164.

19. Там же. Т.46, ч.1. С. 476.

20. Там же. Т.3. С. 18.

21. Там же. Т.42. С. 94.

22. *Яковлев А.* Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 53.

23. Там же. С. 55.

24. Там же. С. 57. Этот бывший главный идеолог КПСС опустился до идеологического стриптиза. В опубликованном недавно “Постижении” (М., 1998) он откровенничает: “Я православный христианин. Не скажу, что верующий, но никогда не был и атеистом” (с. 140). Ай, ай, бывший товарищ Яковлев. А как же быть с Уставом той партии, одним из вождей которой Вы были? Как же быть с публикациями вроде “Против антиисторизма”, выступлениями, вошедшими в сборники типа “Реализм – земля перестройки”? Кто тянул за язык проповедовать научное мировоззрение в противовес религиозному, националистическому, которые, предупреждает Яковлев, переплетаются? Цинизм “прораба перестройки” – оборотная сторона лицемерия одного из ведущих функционеров “позднего застоя”.

25. *Лузгин В.В.* Философия как теоретическая рефлексия над духовной жизнью человека и общества // Философия как наука и учебная дисциплина. Казань, 1998.

26. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.26, ч.1. С. 23.

27. Там же. Т.42. С. 123.

28. *Рассел Б.* История западной философии. М., 1959. С. 9.